

Ты - моё проклятие

Автор:

[Лина Манило](#)

Ты - моё проклятие

Лина Манило

Когда-то я любила самого лучшего мужчину на свете. Ради него готова была на всё, даже сбежать из дома. Но кто-то сделал выбор за нас, и мы потеряли друг друга, казалось, навсегда. И я думала, что всё осталось в прошлом, но неожиданно Клим вернулся в мою жизнь, чтобы сломать её. В его глазах я – предательница, а мой отец – главный враг. Сейчас Клим совсем другой: обозлившийся и жестокий, его тело покрывают шрамы, а главная цель – отомстить. Но у меня есть тайна, которая связывает нас с Климом намного сильнее, чем ему кажется. И эта тайна изменит всё.

Содержит нецензурную брань.

Лина Манило

Ты - моё проклятие

Глава 1

Клим.

Папка падает на идеально пустой стол, и я смотрю на неё несколько мгновений. В ней всё, что мне нужно на этом этапе жизни, но я не решаюсь её открыть.

Оттягиваю удовольствие, а напряжение буквально искрит на кончиках пальцев. Какого хрена я так волнуюсь?

– Клим Петрович, будут ещё распоряжения? – флегматично интересуется начальник моей охраны, а я отрицательно качаю головой.

– Нет, иди. Но далеко не отлучайся, скоро можешь понадобиться.

Арсений коротко кивает и покидает мой кабинет, а я провожу рукой по прохладному пластику тёмно-зелёной папки. Как долго я этого ждал – годы. Сколько лет прошло? Ровно восемь, но ненависть моя стала, кажется, ещё сильнее. Она сжирает меня изнутри, но неплохо мотивирует. Если бы не она, я бы точно не добился всего того, что имею сейчас. Деньги, бизнес, бабы всех мастей в моей кровати и испепеляющая злость, от которой мне не избавиться никогда.

Ненавижу.

На папке криво наклеенная надпись: «Нечаев», и только от одного звука этой фамилии бросает в дрожь. Этот сбитый лётчик ещё не знает, чем ему придётся пожертвовать, чтобы спасти свою никчёмную душонку, но я с удовольствием ему расскажу. Вернусь в его жизнь и расставлю все фигуры на доске именно в том порядке, который нужен мне.

Господи, как долго я этого ждал. Все эти годы засыпал и просыпался с одним едким, как кислота, желанием: уничтожить. Раздавить, как клопа, чтобы одна вонь осталась. Как известно, если чего-то сильно хочешь, оно обязательно случится. Рано или поздно – главное, уметь ждать.

Открываю папку, но тут же захлопываю её. В горле пустынная сушь, и я резко встаю из-за стола, чтобы налить себе стакан виски. Блядь, где же эта чёртова бутылка? Меня штормит так, что перед глазами всё плывёт, а руки мелко-мелко дрожат, будто бы я бухал пару суток напролёт.

Когда бутылка наконец-то находится, лью на дно стакана внушительную порцию и залпом осушаю. Алкоголь раздирает горло своей терпкой горечью, огненной рекой проходится по венам, и становится будто бы легче. Я ведь не планировал сегодня пить – слишком важный день, но иначе не справлюсь. Слишком тяжело

на сухую смотреть эти долбанные фотографии. Невыносимо. И ведь ударило наотмашь с такой силой, стоило только одним глазом посмотреть, что дух вышибло напрочь.

Просто я не ожидал, что первой в папку положат фотографию Маши. Сколько бы лет не прошло, а я всё так же реагирую на неё, и ничего с этим поделать не могу.

Наливаю себе ещё немного, возвращаюсь к столу и, набрав полную грудь воздуха, ныряю в содержимое папки, как в студёную воду – до перекрытого дыхания и боли под рёбрами.

С первой фотографии на меня смотрит она – та, кто вынула однажды мою душу. Прошло восемь чёртовых лет, но боль – она вот, она никуда не делась. Идя по жизни, ломая всё на своём пути, трахая самых красивых баб, так и не смог вытравить Машу из-под своей кожи. Она, как татуировка на сердце, всё ещё болит и кровоточит.

Маша...

Провожу дрожащей рукой по её фотографии, а шею ломит от того, как сильно напряжены мои мышцы. В венах адский коктейль из ненависти, застарелой обиды и любви, которую я тащу на себе, как сгнивший крест к эшафоту. Когда-нибудь эта долбаная любовь приведёт меня в психушку, но даже если меня под завязку накачают психотропкой, всё равно перед глазами буду видеть Машу. Чёртово проклятие.

На меня с глянцевой картинки формата А4 смотрят зелёные глаза, выворачивают наизнанку, лишают самоконтроля. Усилием воли сминая в кулаке фотографию и выбрасываю её в мусорное ведро. Не время распускать сопли, не место жалости к самому себе. Однажды Маша выкинула меня из своей жизни, выбрав не то и не тех, сейчас моя очередь.

Оказывается, я почти забыл, какая Маша красивая, а сейчас вспомнил. Вместо крови по венам будто бы расплавленное олово течёт. Невыносимо, больно, отвратительно.

Но теперь у меня достаточно сил, чтобы вырвать Машу из себя с корнем. Теперь я сделаю всё, чтобы забыть её. Уничтожу, но забуду.

Мечь поможет.

Когда смятая фотка красиво пикирует в мусорное ведро, становится легче. Я глушу тошнотворный привкус на языке новой порцией виски. Всматриваюсь в документы, читаю отчёты, а улыбка расплывается на губах – безумная.

Когда-то Нечаев сказал, что я падаль, которой место у его ног. Он растоптал мою жизнь, лишил самого дорогого. Он сказал, что я недостоин Маши, а она... она выбрала отца и свою сытую и спокойную жизнь под его заботливым колпаком. Я потерял всё из-за любви к ней, а она... Что ж, пора платить по счетам...

Да, Бабочка?

Каждый день, минувший с тех событий, я делал всё, чтобы однажды вернуться и макнуть её папашу в его же собственные грехи. Я покажу тебе, Бабочка, чего на самом деле он стоит.

Среди прочих фотографий и документов нахожу улыбающуюся рожу Нечаева и усмехаюсь. Годы взяли своё, но он всё равно держится бодрячком. Пока, во всяком случае, держится. Посмотрим, урод, когда мы встретимся, как ты запоёшь. Жду не дождусь, когда увижу тебя, сволочь, вживую и вдоволь повеселюсь.

Ставлю пустой стакан на стол и, прихватив с собой фотографию Нечаева, выхожу на задний двор. Ох, как мне хочется вгрызться ему в горло и рвать мясо, обнажая кости. Но стараюсь держать себя в руках, потому что его смерть – не моя главная цель. Есть вещи и повеселее.

На заднем дворе тихо и безлюдно, а на пару километров вокруг нет никого. Я специально выбрал именно этот дом, вернувшись в город – мне не нужны соседи. Мне нужно было полное одиночество, чтобы хорошенько всё обмозговать и вернуть себе то, что у меня однажды отняли – мою гордость. Пусть родителей это не вернёт, мою жизнь не отмотает обратно, но я заслужил эту мечь. Ради всего святого, что когда-то было у меня.

Прикрепляю фотографию Нечаева к деревянной стене сарая и захожу внутрь.

Где это проклятое ружьё?

Найдя нужное, снова выхожу на улицу, а комок подступает к горлу, словно вся моя ненависть скопилась сейчас в нём, норовя задушить.

Прицеливаюсь, нажимаю на курок. Отдача бьёт в плечо, и лоб Нечаева украшает идеально круглое отверстие с обожжёнными краями. Ещё раз и ещё, пока адреналин не затапливает меня с головой. Как часто я мечтал сделать то же самое с самим Нечаевым – отомстить ему за всё, что сделал мне, но пока хоть так.

Всему своё время.

Наступила моя очередь веселиться. И да, это будет мой бенефис.

Глава 2

Клим.

Сжимаю руль в руках с такой силой, что он вот-вот на ровные половинки сломается. Костяшки белеют, а пальцы ломит от напряжения. Хочется разогнать автомобиль до предельной скорости, но правила, к сожалению, хоть иногда нужно соблюдать.

Я чужак в этом городе, пусть и родился здесь, и пока менты и прочие уроды не прикормлены, нужно вести себя аккуратнее.

В зеркале заднего вида замечаю чёрный внедорожник, неотрывно следующий за мной. Соваться к Нечаеву без охраны я не рискну. Даже если встреча назначена на моей территории. Не потому, что трус, просто так спокойнее.

Дорога делает резкий разворот вправо, и я въезжаю в тоннель, за которым меня ждёт встреча со своим прошлым. Я шиплю сквозь сжатые зубы, потому что память услужливо подбрасывает мне картинки моего побега восемь лет назад. Тогда я поклялся себе, что докажу уроду Нечаеву, на что способен.

Он думал меня уничтожить, он хотел стереть меня в порошок. Теперь моя очередь наступить ему на горло.

Просто он ещё не в курсе, что все его активы – в моей собственности. Не терпится увидеть выражение его рожи, когда он узнает, от кого именно зависит судьба его бизнеса. И что нужно будет сделать для того чтобы вернуть своё состояние.

Паркую машину у ресторана, а внедорожник охраны останавливается рядом буквально через пару мгновений. Похвальное рвение.

Водительская дверца распаивается, и из неё выходит Арсений – как всегда, мрачный и отрешённый.

– Я первым пойду, – заявляет, окидывая цепким взглядом площадку перед рестораном «Четыре сезона», в котором меня ждёт Нечаев. – Надо всё проверить.

Взмахиваю рукой, пресекая всякие возражения, останавливаю. Не хочу превращаться в чувака, который даже посрать в туалете не может, пока все кабинки не перешерстят его головорезы.

– Уверен? – уточняет Арсений, а я киваю.

– Как никогда.

«Четыре сезона» – жутко помпезное место, в которое я постоянно вливаю кучу бабок. Это мой ресторан, только сидящий внутри Нечаев об этом не догадывается.

Если он, конечно, вообще помнит мальчика по имени Клим, чью жизнь однажды разрушил.

Но я напомним.

Ёжусь от промозглой серости вьюжного по-зимнему марта и напяливаю на голову капюшон толстовки. Метрдотель, завидев меня, расплывается в улыбке и распахивает стеклянную дверь.

– Клим Петрович, – приветствует меня, слегка поклонившись. – Добро пожаловать.

Молча киваю и ступаю в полумрак ресторана. Ненавижу яркий свет, и в «Четырёх сезонах» всё, как я люблю: тусклые лампы, отличная кухня и безропотный персонал.

– Нечаев приехал? – интересуюсь у губастой брюнетки за стойкой у входа, а та тяжело сглатывает и кивает. – Отлично.

– Он в ВИПе, в пятой кабинке, – докладывает губастая, а я киваю.

Я не слежу за тем, кого нанимает администрация – моё дело лишь вливать сюда бабки. Важно иметь легальные способы уплаты налогов, и ресторан – вполне подходит. Но мне не нравится, как на меня пялится эта девица – ненавижу баб с масляным взором. Таким место в клубах у шеста, но не в моём ресторане.

Репутация всё-таки.

Стремительной походкой иду в нужном направлении. Запрещаю себе думать о Нечаеве – мне нужна трезвая голова и холодный расчет. Но заветная папка, зажатая под мышкой, прожигает во мне дыру.

Слишком многое в ней таится, слишком важные документы лежат внутри.

ВИП зал небольшой, но уютный, хотя я ни черта в этом не понимаю. Но мне нравятся светлые стены и полный минимализм в оформлении.

Когда до пятой кабинки остаётся пара шагов, сердце ускоряет свой ритм, выстукивая в груди рваный мотив. Маленький мальчик внутри меня уговаривает отступить, но я не имею права.

Щелчок открывающегося замка, я толкаю дверцу пятой кабинки и натыкаюсь взглядом на затылок Нечаева. И, кажется, будто в прошлое ныряю. Только спасательный круг надеть забыл.

Глава 3

Клим.

Нечаев, стоявший у тонированного окна, выходящего в небольшой сад внутреннего дворика “Четырёх сезонов”, резко разворачивается в мою сторону. Улыбка стекает с его лица оплывшим гримом, а мне же наоборот весело.

Он бледный, под глазами синяки, а щёки впали. Где же этот лощёный хрен, который так легко ломал людям жизнь просто потому, что ему так захотелось?

Жизнь здорово потрепала его, хотя он и строит всеми силами из себя короля мира. Но в моей папке лежит смертный приговор для его империи, которую он выстраивал так долго и слишком многим пожертвовал, чтобы взлететь под самые облака.

– Что-то ты плохо выглядишь, – говорю, а Нечаев хмурится. – Узнал, надеюсь?

Не дожидаясь приглашения, иду к накрытому белой скатертью столу. Спинным мозгом чувствую негатив, увесистым топором зависший над моей головой. Тяжёлый взгляд впивается в меня отравленными копьями, но мне насрать.

– Клим? – наконец-то «рожает» Нечаев.

– Ага, он самый, – киваю и занимаю место за столом. Мягкое сидение подо мной будто бы кучка тлеющих углей, а взгляд Нечаева пытается проделать во мне дыру. – Рад меня видеть?

Ни хрена он не рад. Особенно тому, что тогда, восемь лет назад, не уложил меня в гроб. Профукал ты, Нечаев, шанс от меня избавиться, теперь поздно.

– Мне кажется, мы тогда... обо всём поговорили.

В наследство от того разговора у меня остались рубцы на спине и испепеляющая жажда мести, но не об этом сейчас.

– Тогда обо всём, но появились новые темы для обсуждения.

– Клим, не знаю, зачем ты снова появился, но я жду здесь одного человека. Очень важная встреча.

Нечаев ещё пытается мне указывать, и это на самом деле даже забавно.

– Ты, Нечаев, важный очень и встречи у тебя очень важные. Но ещё ты знатно отупел за прошедшие годы.

Он вскидывает пегую бровь, выламывает её удивлённой дугой, а я нажимаю маленькую синюю кнопку, вызывая официанта. Мгновение, и услужливая девочка Катя прибегает с меню наперевес.

– Клим Петрович, – щебечет Катя, розовея от радостного смущения видеть перед собой начальство. – Вам как обычно?

Я тут редко появляюсь. Наверное, для них это событие планетарного масштаба. А ну как уволю всех к чертям – мне не трудно.

Киваю, не сводя взгляда с Нечаева, а тот сначала бледнеет, а после покрывается алыми пятнами.

– Да, Катюша, как обычно.

Катя мчится на кухню отдавать заказ, и в кабинке воцаряется тяжёлая и душная тишина.

– Что, не нравится видеть, как всякую падаль на твоих глазах по высшему разряду обслуживают? – интересуюсь, откидываясь на спинку кресла, но Нечаев молчит. – Так с кем там у тебя важная встреча?

– Зачем ты пришёл? – Голос Нечаева, треснувший и глухой, и мне кажется, до него постепенно начинает доходить, что я здесь не просто так нарисовался.

– За твоей трусливой душонкой, Нечаев, я пришёл. Помнишь, я тебе пообещал тогда? Я всегда держу слово.

Мы молчим, смотрим друг другу в глаза, и память оживает, протягивая незримые нити, натягиваясь канатами.

– Много воды утекло, да, Нечаев?

– Что ты хочешь, Клим? – шелестит, а морда такая перекошенная и несчастная, словно вот-вот богу душу отдаст. – У меня мало времени.

– Присядь для начала, – взмахиваю рукой, указывая на кресло напротив, но Нечаев замирает соляным столбом, запихнув ручонки в карманы дорогущих брюк. – Ну, как хочешь.

– А ты изменился, – замечает очевидное, а я пожимаю плечами.

– Твоими молитвами, сука.

Снова вбегает исполнительная Катя и молниеносно расставляет передо мной приборы и тарелки. Секунда и её снова нет.

Лицо Нечаева вытягивается ещё сильнее, хотя его конская рожа и так слишком длинная. Мне нравится изумление в его глазах – только ради него стоило выбраться из личного ада и прийти сюда.

– Итак, вернёмся к началу разговора. У тебя здесь важная встреча. Не с Петровым Игорем Кузьмичом случайно?

Нечаев медленно кивает и всё-таки присаживается напротив и тянется к бокалу с водой.

– Ты такой бледный, ещё инфаркт хватит. Валидол хоть под язык сунь, что ли, – откровенно издеваюсь, видя в глазах Нечаева замешательство, граничащее с ужасом. – Так вот, он не придёт.

– Почему?

– Потому что я выкупил твой долг у него. Я выкупил всю твою жизнь с потрохами. Так что теперь будешь иметь дело со мной. Отличная перспектива, мне кажется.

Я чеканю каждое слово, отбиваю ритм о край голубой тарелки зажатой в руке ножом. Вбиваю их в крышку гроба Нечаева, но он держится отлично – прямо молодец.

– Чего ты грустный такой? – растягиваю губы в безумной улыбке и достаю из папки пару листов. Документы, подтверждающие мои слова. – Всё заложил после сорвавшегося тендера? Думал, перекрутиться, но не вышло. Да, Нечаев?

– Не твоё собачье дело! – рычит и рвётся вперёд.

Но я оказываюсь быстрее: хватаю его одной рукой за горло, приставляя нож к пульсирующей на шее жилке.

– Одно движение и от тебя только лужа крови и мешок с костями останется, – обещаю почти ласково, и Нечаев затихает. – Боишься, да? Правильно делаешь. Вскрою твоё горло, пикнуть не успеешь.

Толкаю его от себя, и он оседает в кресле. Роба красная, будто её в кипятке окунули, а в глазах злость, смешанная с паникой в равных долях. Открывает и закрывает рот, пытается ослабить узел галстука. Терпеливо жду, когда он справится с шоком и начнёт снова соображать. Пора, упырь ты эдакий привыкать к новой реальности.

– У меня были отличные учителя. Ты – самый лучший. Все твои уроки я запомнил отлично, хоть сейчас экзамен сдавай.

– Зачем тебе это нужно, Клим? – хрипит, а я, как ни в чём не бывало, принимаюсь за нарезку стейка из сёмги. – Бабки понадобились? Или просто месть?

– Бабки у меня есть, мне на них плевать. Они лишь инструмент, не больше.

– И что теперь будет? Как в лихие девяностые на счётчик поставишь? Паяльник достанешь?

Я смеюсь, потому что так дела делал когда-то сам Нечаев, и я сполна прочувствовал на себе его методы.

– Вполне возможно, – говорю, отсмеявшись, – но есть и другой вариант. Ты любишь свои бабки и ещё ты любишь свою дочь. Интересно, что больше?

– Подонок.

– Даже не представляешь, какой я подонок, – киваю и бросаю в рот кусочек стейка, но вкуса не чувствую. С таким же успехом я мог жевать кусок картона. – Итак, даю тебе срок до утра, уяснил? Думай, Нечаев, думай. Выбор всегда есть.

– Ты не посмеешь, – выдыхает, а я киваю, доедая стейк.

– Ещё как посмею. Мне нужна Маша, тебе – твои бабки и сраная империя. Поверь, я такие проценты прикручу, вовек не расплатишься. С голой жопой по миру пойдёшь. А будешь хорошим мальчиком, не будешь глупить, погасить долг, и заживёшь спокойно.

– То есть моя дочь в обмен на возможность погасить долг?

– Именно.

– Но как ты себе это представляешь? – нервничает и вскакивает на ноги. Меряет шагами маленькую кабинку, а я беру в руки бокал с виски. – Она же живой человек! Она моя дочь!

– Надо было лучше думать, когда ты всё закладывал. Сейчас либо утром на мой счёт поступает вся сумма с процентами – она обозначена в документах,

ознакомься на досуге. Либо я забираю себе Машу. Выбор за тобой.

– Клим, дай мне хотя бы сутки!

– Ночь. Одна единственная ночь. В восемь утра твоя жизнь превратится в гнилую тыкву.

Я поднимаюсь на ноги, но прежде чем уйти говорю:

– Ты слишком многое мне задолжал. Пришла пора возвращать.

– Клим, твои родители сами виноваты. Но я не убивал их. Слышишь меня? Не убивал!

Его слова бьют меня розгами прямо по сердцу, и я сжимаю кулаки, готовый разбить его тупую башку. Не знаю, каким чудом удаётся сдержаться и не убить его. Вместо этого говорю:

– Если ты ещё раз, гнида, ещё хоть один раз о них заикнёшься, я заставлю тебя сожрать свой язык, а член свиньям скормлю. Кстати, документы оформлены на совесть, потому не выйдет меня кинуть.

Нечаев молчит, тяжело дыша, и я впитываю его страх, кайфуя от этого ощущения. И уже, дойдя до двери, поворачиваюсь к Нечаеву и заглядываю в самые ненавистные глаза на свете.

– И да, приятель, без глупостей. У меня плохое чувство юмора, отличная охрана и рефлекс. Восемь утра, Нечаев, запомни. Номер моего телефона в папке. Жду.

В гробовой тишине я покидаю кабинет Нечаева, зная наперёд всё, что будет дальше.

Маша.

С самого утра всё валится из рук, за что ни возьмусь. Странное какое-то состояние, и найти этому объяснение не выходит. А ещё эта бессонница, и сны странные.

Вот уже неделю каждую ночь я просыпаюсь от того, что ко мне приходит мама. Она смотрит на меня, гладит по голове и просит быть аккуратнее. А потом уходит в туман, где еле различим крошечный крестик над холмиком.

Он такой маленький, усыпан толстым слоем снега, и я, захлебнувшись во сне своей тоской, подскакиваю на кровати.

Каждую ночь вот уже неделю. И конца и края этому нет.

Кажется, должно случиться что-то плохое, но я не провидица, мне не разобрать будущее по снам и предчувствиям.

Со мной уже когда-то случились самые страшные в жизни вещи, и я сыта ими под завязку, но разве у судьбы бывает предел?

Сквозь жужжание работающего телевизора не сразу слышу звонок телефона, а он пробивается ко мне, настойчивый, и я бросаю на пол мокрую тряпку, которой оттирала пятно от пролитого недавно кофе. Говорю же, всё из рук валится и всё одно к одному.

На экране высвечивается слово «Папа», и я принимаю вызов. Сама не понимаю, почему внутренне сжимаюсь, когда слышу его голос, а он какой-то скрипучий и надломленный.

– Что-то случилось? – спрашиваю, выслушав приветствие, а отец делает секундную паузу, и секунда эта кажется почему-то вечностью.

– Нет, дочь, всё хорошо... не бери в голову.

Он хочет казаться весёлым – очень пытается не показывать, как плохи у него сейчас дела. Бережёт меня, как делал это с момента моего рождения, а я...

задыхаюсь в плотном коконе его заботы. И хоть давно уже живу отдельно, лелея свою простенькую и очень скучную жизнь, отец каждый день пытается снова ворваться в неё, всё поставить с ног на голову и посадить на короткий поводок.

- Маша, у меня к тебе большая просьба. Не откажешь старику?

Прекрасно знает, что не откажу, но просит не часто. Потому всегда соглашаюсь - люблю его, несмотря на все сложности нашего общения.

- Что-то серьёзное? У тебя такой голос...

Отец то ли всхлипывает, то ли откашляться пытается, а я сжимаю в руке чайную ложку, забытую на столе, почти сгибая тонкую серебристую ручку.

- Нет, ничего такого, чтобы я не мог сделать сам, но... зашиваюсь. Элементарно не хватает времени. А ты - единственная, кому я доверяю, как самому себе.

Это лезть - отец никому не доверяет, а я делаю вид, что верю. Хотелось бы мне увидеть сейчас его лицо, но никак. Придётся довольствоваться бурной фантазией.

- Маша, ты же дома? У тебя отпуск ведь. Через пол часика за тобой заедет машина. Нужно кое-куда съездить, документы забрать. Очень важные.

Перевожу взгляд на своё отражение в зеркале и радуюсь, что выгляжу неплохо - можно спокойно ехать за этими несчастными документами, так уж и быть. Даже синяки под глазами не очень портят. Мне двадцать шесть, но никто больше двадцати мне ни разу не давал, а порой и алкоголь без паспорта продавать отказываются. Хорошо, что я почти не пью, иначе бы намучилась с этими бдительными кассирами.

- Хорошо, поеду. Всё равно свободная.

- Как ты себя чувствуешь? - интересуется отец, а я заверяю, что у меня всё хорошо.

Просто цвету и пахну.

Отец делает вид, что верит и отключается.

Через полчаса я стою в своём дворе, кутаюсь в воротник драпового пальто от порывов ледяного ветра и жду машину.

Огромный чёрный внедорожник въезжает во двор, а я пристально слежу за ним. Отец не сообщил, какая именно машина прибудет по моему адресу, но очень похоже, что именно эта. Во всяком случае, и время подходящее.

Вездеход с заляпанными грязью номерами и внушительной вмятиной на боку останавливается, и водительская дверца резко распахивается.

– Нечаева Мария Степановна? – спрашивает высокий мужчина с седыми висками, высунув голову из проёма двери.

– Да, – киваю, но подходить к машине не спешу.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Надо торопиться. Отец же вам звонил?

Я снова киваю и всё-таки иду к машине. Подсознание вопит, что совершаю самую большую глупость в жизни, но у меня нет, кажется, ни единого повода избежать этой поездки.

Распахиваю заднюю дверцу, взбираюсь на сидение, а взгляд фиксирует затылок водителя – крепкий, как у борца. Он больше похож на охранника какого-то бандита, но пускай. Какая разница, кто сидит за рулём, хоть мне и не очень нравится перспектива находиться в замкнутом пространстве с совершенно незнакомым мужчиной угрожающей наружности.

Ловлю его кривую ухмылку в зеркале, устраиваюсь удобнее, и машина плавно трогается с места.

– Куда мы едем? – интересуюсь, когда машина набирает скорость, сворачивая на окружную дорогу.

– Отец вас не предупредил?

– Нет, просто сказал, что нужно забрать документы.

Мужчина хмыкает, вдавливая педаль в пол, и за окном пролетают деревья с фантастической скоростью. Вжимаюсь спиной в сидение, а под ложечкой сосёт, замирает и сладко ноет.

– Тут недалеко. Быстро доедем, не переживайте.

Теряю счёт времени, но путешествие наше всё-таки заканчивается. Вездеход останавливается у высоких ворот из красного кирпича в какой-то глуши.

Ворота перед нами медленно поднимаются вверх, и мы оказываемся в просторном дворе, по периметру которого высажены высоченные сосны.

Как в заповеднике, честное слово.

– Выходите, Мария Степановна. В доме вам отдадут документы, – сообщает мужчина, и я толкаю дверцу.

Вокруг тишина, даже птицы не поют, а ветер будто бы стихает. Воздух кажется теплее, и мне не нужно прятаться за воротом пальто от его колючих порывов.

– Проходите в дом, – советует водитель, и я тороплюсь наконец-то закончить это дело.

Краем глаза замечаю ещё парочку мужчин вполне конкретной наружности – охрана территории, наверное. Я привыкла к подобным персонажам – у отца огромный штат секьюрити. Я выросла среди этих мрачных мужиков, потому пугаться их вида кажется странным. Бытие формирует сознание, как ни крути.

Пугает только тишина этого места, делающая его будто бы необитаемым.

Раз, два, три ступенька, а входная дверь распахнута, приглашая войти в дом. Делать нечего, захожу, и меня опутывает вакуумом и темнотой.

– Эй, тут есть кто-нибудь?! Я от Нечаева, за документами!

– Проходи, – доносится откуда-то, и меня сбивает с ног давно забытый аромат хвои, цитруса и табачного дыма.

А за спиной лязгает замок двери, отрезая меня от внешнего мира.

– Скучала по мне, Бабочка?

Глава 5

Маша.

Этого просто не может быть!

– Клим? – выдаю раньше, чем успеваю себя остановить, а горло сжимает спазм.

Темнота давит со всех сторон, наваливается могильными плитами, хоронит в себе мой здравый смысл. Я пытаюсь нащупать в ней хоть что-то, но как ни взмахиваю руками, натываюсь на пустоту. Но этот запах – он везде. Пробирается под кожу, впитывается в мозг, будит в памяти то, о чём так долго пыталась забыть.

Не получилось.

Чьи-то сильные руки обхватывают меня за талию – так крепко, что дыхание на мгновение исчезает, а перед глазами водят хоровод яркие разноцветные мотыльки. Но это помогает встряхнуться, прийти в себя, смахнуть незримой метёлкой первый шок.

В густой темноте, к которой никак не хотят привыкать мои глаза, я пытаюсь вырваться, кричу что-то, брыкаюсь, но добиваюсь лишь того, что руки сжимаются вокруг меня ещё крепче – оковы, которые не получается разорвать. У меня просто не хватит сил.

Так и останусь бабочкой, пришпиленной иголкой к бархатному полотну. Меня накроют стеклом, повесят на стену и станут любоваться. А потом выбросят, как ненужный хлам, когда надоем.

– Отпусти, мне больно! – кричу, и только это заставляет остановиться моего мучителя.

Как долго меня несли? Где мы? Почему тут так темно?

И самое важное: откуда здесь Клим?

Наверное, именно так сходят с ума: резко и бесповоротно. Кажется, что всё с тобой хорошо, и разум твой в полном порядке, но всё вокруг летит в пропасть стремительно и неотвратно.

Вдруг загорается резкий свет, больно бьёт по глазам, и я жмурюсь, борясь с колющей острыми иглами болью в затылке. Тру веки, сглатываю вязкую слюну. Пытаюсь понять, что со мной происходит, но ничего из этого не выходит – я решительно ни в чём не могу разобраться.

Кроме того, что совсем рядом со мной человек, которого я однажды потеряла навсегда.

– Открой глаза, Бабочка, – просит до вывернутой наизнанку души знакомый голос. – Посмотри на меня.

Сейчас в его тоне нет ни капли нежности или любви. Холодная сталь впивается в барабанные перепонки, рождает мириады мурашек, будто бы я неделю до этого пила, не просыхая.

– Открой. Глаза.

Он так убедительно делит фразу на отдельные слова, а голос становится ниже и холоднее. Как арктический холод, и я в его эпицентре совсем голая. С меня сняли кожу, выбросили на мороз, глупую.

Распахиваю глаза и вижу перед собой Клима. Это он – в этом не может быть сомнений, но и не он... на меня смотрят глаза абсолютно чужого человека – злые, полыхающие яростными пожарами сгоревшего дотла прошлого. Нашего общего прошлого.

– Клим... – выдыхаю и обнимаю себя за плечи, а он присаживается на стул, облокотившись на колени, и выжигает в моей душе дыру с рваными краями.

– Бабочка, – вторит, а я замечаю, в какую жёсткую линию сжаты его губы. На них ни тени улыбки, в них ни грамма мягкости.

– Что... что всё это значит? Документы – всего лишь повод?

– Ты всегда была умной, Бабочка, – левый краешек его губ слегка приподнимается, и губы складываются в подобие улыбки. Только лучше бы не делал этого, потому что так совсем страшно.

– А отец в курсе?

Хватаюсь за соломинку привычной реальности, чтобы не утонуть в этом безумии, а Клим молчит. Не собирается отвечать на мой вопрос, а я чувствую тошноту, плотным комом застрявшую в горле.

Клим застывает мраморным изваянием, сверлит меня взглядом. Не выдерживаю напряжения, витающего в маленькой комнате, и оседаю в кресло. Главное, на пол не рухнуть.

– Ты останешься здесь, – заявляет Клим, а я вздрагиваю, словно меня плёткой ударили поперёк спины. Даже боль будто бы почувствовала.

– Ты в своём уме? – выдавливаю из себя слова по капле, а Клим снова растягивает губы в своей новой полубезумной улыбке.

– Нет, Бабочка, давно уже забыл, что такое быть в своём уме, – разводит руками и откидывается на спинку кресла.

На нём простые джинсы и чёрная футболка, а ботинки начищены до блеска. Я помню, Клим всегда любил чистую обувь. Помню... как много я помню, и как тяжело нести эту память на себе невыносимым грузом.

- Я не могу тут остаться. Ты с ума сошёл!

- Именно, сошёл, - кидается и резко подаётся вперёд. Будто огромный ядовитый змей, а я, отпрянув назад, вжимаюсь в мягкую спинку кресла. - Но вспомни, Бабочка, именно за эти проблески безумия ты и любила меня когда-то.

Я молчу, а злость закипает внутри. Зачем он вернулся, зачем делает это всё? Чтобы окончательно уничтожить?

- Клим, это ведь похищение. Меня искать будут!

- Не будут, - хлопает себя по коленям, поднимаясь на ноги, а я слежу за его действиями, ловя оттенки эмоций в ставших чужими глазах. - Я обо всём побеспокоился.

Точно, сумасшедший.

- Отец... он же не успокоится. Он тебя из-под земли достанет!

Мой голос срывается на крик, в грудь распирает от боли.

Клим смеётся, запрокинув голову, и делает всего один шаг, оказываясь рядом. Кладёт руки на подлокотники моего кресла, наклоняется вперёд, и меня снова обдаёт ароматом хвои, цитруса и табачного дыма.

Его глаза так близко, а я толкаю Клима в грудь, пытаюсь высвободиться, но он всегда был сильнее. Несмотря на все попытки вырваться из западни, не выходит. Бью ногами, руками, царапаюсь, словно кошка, а Клим лишь молчит и даже не шевелится. С таким же успехом можно лупить грушу в спортзале или биться головой о стену - одинаковый эффект.

- Не трепыхайся, Бабочка, и тогда, возможно, не будет больно.

Его дыхание на моей коже поднимает даже самые крошечные волоски, а я смотрю в его глаза, пытаюсь найти там того Клима, которого любила когда-то. Где он? И почему на его месте этот человек?

Когда силы окончательно покидают меня, Клим заворачивает меня в свои объятия, точно в колючую проволоку, и прижимает к себе.

– Клим, отпусти меня, – прошу, задыхаясь в его хватке. Он не делает мне больно, но его касания выбивают из меня весь дух. – Это безумие, тебя найдут. Отец убьёт тебя. Как ты не понимаешь?

– Убьёт, говоришь? – шипит на ухо, изворачивается и усаживает меня к себе на колени. Держит крепко, и чем сильнее я дёргаюсь, тем сильнее его хватка. – Что ты знаешь о смерти, чистая девочка Маша? Ты нихера не знаешь, Бабочка. Это твой папаша сделал это со мной, он уничтожил мою жизнь, порвал мою психику в клочья. А ведь тебе тогда всего лишь нужно было уехать со мной. Просто уехать. И я ждал, как идиот. Да только вышло всё не так. Теперь хлебай полной ложкой, Бабочка.

Он говорит это, сжимая вокруг кольцо рук, но я совсем не понимаю, что всё это значит. Кто кого и где ждал? Не понимаю...

– Клим, пожалуйста, ты бредишь. Я ничего не понимаю!

Снова делаю попытку вырваться, и на этот раз Клим позволяет мне почувствовать свободу, и я вскакиваю на ноги, чтобы оказаться подальше от того, чем стал самый лучший мальчик на свете.

Клим молчит, смотрит куда-то поверх моей головы, а я потираю болезненно пульсирующую от его прикосновений кожу.

– Надеюсь, Бабочка, ты ни разу не пожалела, что сделала свой выбор. Надеюсь, тебе без меня было хорошо.

– Клим, отпусти меня. Это неправильно, ты сумасшедший.

Но Клим уже не слушает меня: разворачивается на каблуках и стремительной походкой покидает комнату, так ни разу и не оглянувшись.

Щёлкает замок, отрезая меня от всего мира, а я оседаю в кресло, пытаюсь понять, что со всем этим делать.

Глава 6

Клим.

Закрываю дверь на замок, а пальцы деревянные, непослушные. Упираюсь лбом в прохладный косяк, тяжело дышу и всё-таки не выдерживаю: бью кулаком по стене, разбивая костяшки в кровь. Боли нет – я однажды разучился её чувствовать, потому бью и бью, пока мне на голову не начинает осыпаться штукатурка.

Становится ли проще? Хера с два.

На внутренней стороне закрытых век вижу запечатлевший во мне страх в зелёных глазах...

Его будто бы выжгли на подкорке. Бабочка боится... я же этого хотел? Этого добивался? К этому стремился?

Я хотел избавиться от наваждения по имени Маша, мечтал вырвать её из сердца – предательницу, истинную дочь своего отца. И я вырву, чего бы мне это ни стоило.

Блядь, не так ведь всё должно было случиться между нами. Мы должны были уехать из этого проклятого городишки, жить счастливо, нарожать чёртову уйму сопливых детишек и наряжать раз в год ёлку всей семьёй. Должны были ездить по субботам в грёбанный супермаркет, спорить о всякой ерунде, ругаться, мириться, трахаться до умопомрачения и держать друг друга за руку. Всегда. До последнего долбаного вдоха. И сдохнуть должны были в один день, потому что иначе не знали, как жить, если нет нас.

Об этом мы мечтали, так должна была сложиться судьба. Но, сука, не сложилась.

Элитная штукатурка осыпается белёсыми хлопьями, я перевожу дыхание и бросаю быстрый взгляд на запертую дверь. Там моя Бабочка...

Такая хрупкая, почти невесомая. Стоило мне чуть сильнее сжать руки, и от неё не осталось бы и мокрого места. И я почти сделал это, почти... но вовремя остановился – лить её кровь не входит в мои планы.

Я ненавижу её за предательство, я ненавижу себя за слабость. Столько грёбанных беспросветных лет, а память о ней выжигает мою душу дотла каждый божий день.

В кармане вибрирует телефон, и я спускаюсь вниз. Подальше от этой комнаты, подальше от Бабочки. Потом решу, что со всем этим делать, потом найду выход, а пока наступило время поговорить.

– Клим? – раздаётся на том конце провода ледяной голос Нечаева, а я усмехаюсь и нажимаю кнопку записи разговора.

Пусть я и безумец, пусть порой сам себя пугаю, но мозги мои пока ещё варят.

– Нечаев, что нужно?

Тот недолго молчит, что-то там обдумывая своей тупой башкой, а я вхожу в пустой кабинет. Зажимаю ухом трубку и раскручиваю крышку бутылки.

Напьюсь, ей Богу, напьюсь. Если алкоголь вообще сможет взять меня сегодня.

– Маша у тебя? – наконец-то формирует чахлую мысль, а я глотаю горький алкоголь, растягиваю паузу. – Клим! Не молчи! Она у тебя?

– Да. Волнуешься о своём цветочке?

– Ты... если один волос упадёт с её головы! – ярится, забавляя меня запоздалым беспокойством о судьбе дочери. – Клянусь, я закончу начатое тогда, я урою

тебя, гнида.

Как страшно, уссаться можно.

– Ты продал свою собственную дочь, – напоминаю, рассматривая комнату через хрусталь тяжёлого стакана. – Променял на свой бизнес. И после этого ты звонишь мне и угрожаешь?

Честно, мне даже интересно, что творится в голове этого недоноска.

– У нас был уговор, – выплёвывает сгустки истерики. – Ты поставил меня в невыносимые условия. Ты вынудил меня!

Какая драма, а я прямо опереточный злодей. Если верить Нечаеву.

– Я дал тебе время. Целую ночь, Нечаев. Помнишь? За ночь ты мог сделать, что угодно: найти деньги, увезти подальше Маш. Мог спрятать её, прислать ко мне киллера, взорвать мою машину... – перечисляю всякие варианты, хотя это и не в моих интересах. – Пустить себе пулю в лоб, в конце концов. Но ты выбрал то, что выбрал. Ты спас свой бизнес. И продал свою дочь.

– Подонок.

– Мы это уже обсуждали, – допиваю виски и наливаю себе ещё порцию.

Гулять так гулять.

– В каком месте ты хранишь свою совесть? Теперь метаться поздно: Маша останется у меня. Разговор окончен.

Кладу трубку, бросаю телефон на стол и, перевернув полупустую бутылку вверх дном, заливаю разбитую до крови руку.

Клим.

– Клим, кончай бухать, – просит Арсений, а я допиваю очередную порцию виски и, хорошенько размахнувшись, бросаю стакан в стену.

Стекло разлетается мелким крошевом, с противным звоном падает на пол, усыпая его радужными осколками. А я откидываюсь не спинку кресла и пялюсь в одну точку над плечом Арсения. Он убирает медленно от головы руки и косится на меня так, словно увидел своими глазами, как я откусываю голову девственнице.

Даже Арсений не часто видел меня в таком состоянии, как сейчас, и я замечаю замешательство в его глазах.

– Ещё вопросы будут? – интересуюсь, а Арсений потирает шею, глядя на меня в упор.

– Совсем свихнулся?

– Не заметно разве?

Арсений поднимается на ноги, раскрывает рот – наверное, мораль прочитать мне хочет, но с тяжёлым вздохом машет рукой. Знает, что толку со мной из меня в таком состоянии плохой собеседник – только хуже будет.

Он видел меня разным – мы уже восемь лет рука об руку, и он за мной хоть в огонь, хоть в воду, но даже Арсению я не позволю жрать мой мозг чайной ложкой.

– Арс, я уже взрослый мальчик, сам разберусь, когда мне пить и как много. Уйми свою заботу и займись прямыми обязанностями.

– Девку долго в комнате держать собираешься? – переводит тему, а я понимаю, что если он так продолжит, следующей в стену полетит пустая бутылка.

А потом его голова. Не хотелось бы калечить верного рыцаря.

– Чтобы у нас с тобой появилась тема для увлекательной беседы. Свали в туман, Арс, я тебе не за то плачу, чтобы ты мне мозги конопатил. Уяснил?

Арсений коротко кивает и выходит из комнаты. Мне, правда, намного легче, когда никто, мнящий себя моей сиделкой, не лезет в душу. Пусть пойдёт и займётся делом, а не строит из себя душеприказчика.

Закрываю лицо руками, растираю кожу, а разбитая рука напоминает о себе глухими отголосками боли. Был бы я нормальным человеком, замотал бинтом, лучше продезинфицировал, как настаивал Арс, но я лишь искупал рану в виски. Жаль, что того же самого нельзя сделать с душой и памятью.

Алкоголь ни черта меня не взял, хотя я, правда, очень хотел напиться до отключки. Чтобы не думать, какого хера я творю и что со всем этим делать дальше. Но от себя самого не получается убежать даже в пьяный дурман.

В доме тишина, а я достаю из кармана ключ от комнаты Бабочки и смотрю на него. Просто смотрю, убеждая себя, что всё сделал правильно. Она заслужила намного худшего, на самом деле. Ещё и вид упорно строила, что не понимает ничего, овечка, блядь. Ненавижу.

Снова прячу ключ в карман, выхожу из кабинета, а мир перед глазами слегка качается и плывёт. Значит, всё-таки повело. Сейчас бы вырубиться, а когда проснусь, всё будет иначе: не будет шрамов на теле, а память кто-то добрый сотрёт мягким ластиком.

Но разве так бывает?

Бреду вперёд, ощущая себя чужаком в своём собственном доме. А ещё настораживает тишина, словно Бабочка мне померещилась.

Может, и правда, показалось? Глюки воспалённого сознания, а на самом деле я всё ещё один?

Очухиваюсь, когда упираюсь в дверь Бабочки, а за ней подозрительная тишина. Сердце стучит в груди так гулко, что позвоночник судорогой сводит. Это почти физическая боль, которую я ощущаю всегда, стоит хоть краем мысли коснуться

Бабочки. А когда она так близко... мой здравый смысл разлетается кровавыми ошметками.

Я хочу войти в эту грёбаную комнату и, сжав в объятиях Машу до хруста, жёстко и цинично трахнуть. Взять то, что когда-то принадлежало мне. Но это убьёт нас обоих, к гадалке не ходи.

Но руки делают то, чему противится разум, и все черти, собравшиеся на дне моей души, вопят, протестуя: проворачивают в замке ключ, и я наблюдаю за этим действием, словно смотрю кино.

Один оборот, второй, толкаю дверь, и нога в тяжёлом ботинке ступает в комнату. И всё это в замедленной съёмке – эпично.

Второй шаг даётся легче, но в комнате никого. Где она, мать вашу? Где моя Бабочка?! Или Арс её выпустил? Чёрт.

Но я не успеваю ничего понять, а на меня налетают сзади, виснут, сбивая с ног.

Твою ж ты бога душу мать!

Глава 8

Маша.

Когда Клим закрыл за собой дверь, за ней раздался грохот такой силы, что меня скрутило паникой в тугий узел, а дрожь прошла от макушки до кончиков пальцев. Методичные глухие удары, и от каждого вздрагивала, пока шум за стеной не прекратился, а тяжёлые шаги не смолкли вдали.

Господи, куда я попала? И что со мной будет?

Долго приходила в себя, пытаюсь разобраться в сумбурных мыслях и самых разных ощущениях, разрывающих изнутри на крошечные части. Сердце

клокотало где-то в горле, отмеряя своими ударами время, проведённое взаперти. Но я так и не нашла ни одного вразумительного ответа, кроме...

Кроме того, что меня зачем-то заманили в этот огромный дом, где я стала... пленницей? Клим же ясно дал понять, что отсюда хода нет. Пока он не решит обратное? Или навсегда?

Силы небесные, это какой-то дурной сон. А иначе не знаю, как это всё объяснить.

Но самым важным казалось найти ответ на вопрос: зачем самому Климу это нужно? Зачем снова появился спустя столько лет, хотя однажды бросил меня. Просто прислал сообщение. Так смешно и одновременно тошно. Просто дебильное смс, надо же, будто я не было достойна хотя бы того, чтобы найти храбрость сказать мне это в лицо.

Или боялся, что на шее повисну? Да пошёл он.

Но зачем он так рискует сейчас, ведь отец – он убьёт его. Отследит мой телефон по GPS и убьёт Клима.

Клим... мой солнечный мальчик, любовь к которому изменила мою жизнь однажды, а её последствия изуродовали мою душу. Теперь каждую ночь я вижу во сне присыпанный снегом могильный холмик, где...

Ай, нельзя об этом сейчас думать! Я не смирилась с этой болью, но научилась с ней жить. Сейчас важнее найти способ выбраться из этой комнаты.

Телефон!

Я подскакиваю с кресла и оглядываю небольшую комнату. Она совсем тесная, и здесь нет ничего, кроме узкой кровати и пары кресел. Ни туалетного столика, ни второй двери, ведущей в ванную комнату – совсем ничего. Даже окон и тех нет!

Я давно уже съехала от отца, потому к простоте и отсутствию лишней роскоши мне не привыкать – вполне могу обойтись минимальными благами цивилизации, но вот солнечный свет... это же какое-то дикое варварство – лишать человека возможности выглянуть на улицу, подышать свежим воздухом.

Клим всё-таки слишком изменился, и глаза его стали совсем чужими: жёсткими, ледяными. Из них будто бы исчезла жизнь, а я... я ведь тоже стала совсем другой.

И наша встреча, которую я так много раз прокручивала в воображении, так втайне мечтала о ней – она ведь вышла совсем другой: окрашенной цветами ярости и нашей боли.

Так, Бабочка, не раскисай! Я всеми силами пыталась забыть это прозвище, которым имел право называть меня только Клим. Он придумал его сам, когда мне было лет шесть, наверное. И я сроднилась с ним, а потом вырвала его из сердца.

Но Клим напомнил. И от этого почему-то так больно. Не от напоминания, не от слова, а от тона, которым Клим его произносил: жёсткого, хлёсткого.

Ладно, всё это ерунда, мне бы выбраться отсюда, а для этого нужен мой телефон. Я позвоню отцу, узнаю у него, что это может значить – именно он же послал меня сюда. Папа уговорил приехать за этими проклятыми документами. И в итоге я оказалась в ловушке.

Мечусь от стены к стене, заглядываю то под одно кресло, то под другое, под кровать, шарю руками по полу – мало ли, вдруг мне зрение отказало, – но сумки моей здесь нет. Её абсолютно точно не забрал Клим, значит... значит, я обронила её, когда он тащил меня в этот каменный мешок.

Зараза!

Что же делать?

Запускаю руки в волосы, пропускаю пряди через пальцы, надавливаю на виски, пытаюсь собраться с мыслями, но в голове каша. Мысли путаются, наслаиваются друг на друга, разбегаются в разные стороны, а грудь распирает отчаяние.

Этот человек, что запер меня здесь – не мой Клим. Это его злобный двойник, который говорил о какой-то мести, вышибал из меня дух своими объятиями. Он ненавидит меня – в этом нет сомнений, а я...

А я лишь хочу выбраться отсюда.

Время завивается вокруг спиралями, и лишённая естественного света, я совсем теряю ему счёт. Сколько я здесь сижу? Минуты, часы, годы? Не знаю. Но я точно постараюсь найти выход.

Снова эти тяжёлые шаги и они всё ближе, а я собираю остатки воли в кулак и становлюсь слева от двери. Если я правильно всё запомнила, то она открывается внутрь, а значит, можно спрятаться у стены. Клим войдёт, а я выскользну.

Меня окутывает тишина, и уже кажется, что послышалось: не было никаких шагов, это всё мираж и фантасмагория. Но кто-то наверху слышит мои молитвы, потому что в замке медленно проворачивается ключ. Неужели меня решили выпустить? Или Клим пришёл с новой порцией странных обвинений?

Дверь распаивается, я сжимаюсь в комок, готовая рвануть на выход при первой же возможности, но закипевшая внутри ярость хоронит под собой здравый смысл. И когда Клим делает шаг в комнату и озирается по сторонам, я, словно дикая кошка, напрыгиваю на него сзади. Повисаю бешеной обезьяной на шее, стремясь ударить больнее, укусить, расцарапать лицо.

Клим не имел права говорить мне о смерти. Не имел права обвинять в чём-то.

Потому что я слишком хорошо знаю, каково это: смотреть, как в стылую декабрьскую землю опускают крошечный гробик.

Глава 9

Клим.

Бабочка превращается в бойцовскую овчарку, колотит меня, куда попало, а я теряю равновесие, но чудом не падаю с ног. Её удары ощущаются совсем слабыми, но она очень старается причинить мне вред, хотя и знает, что не получится.

– Сволочь, Клим, ты сволочь! – орёт на ухо, а я изворачиваюсь, разжимаю тонкие пальцы и отрываю её руки от своей шеи.

Перехватываю её, брыкающуюся, прижимаю худые руки к своей груди, а пульс мой учащается до запредельной скорости. Того и гляди, сердце разорвётся.

Один шаг, всего один шаг до кровати, и я бросаю на неё Бабочку, нависая сверху. В её глазах шок вперемешку с решимостью, и она пытается перекатиться, проскочить под моей рукой, но нет. Не сегодня, Бабочка.

Сжимаю пальцами её щёки до белых следов на коже и накрываю губы болезненным поцелуем. Маша сжимает крепко зубы, мычит, бьёт ладонями в грудь, норовит попасть ногой по самому ценному, да только бесполезно.

Насильник ли я? Нет. Но мне столько лет снились её губы, мерещился в толпе её запах, что просто не могу сдержаться.

Но это не поцелуй – это клеймо. Тавро, которым мечу её рот, сминая губы в острой ласке.

– Ненавижу! – выплёвывает, когда я отстраняюсь, демонстративно вытирает губы и рвётся из моего захвата.

Алкоголь всё-таки сказывается, и Бабочке удаётся выпорхнуть. Я жду новой атаки, но Маша выбегает из комнаты, ругаясь во всё горло.

Бабочка хочет сбежать. Только кто ж ей позволит?

Несётся вниз по лестнице, я за ней, и всё-таки нагоняю её на последней ступеньке. Маша цепляется руками за перила, брыкается, отталкивает меня ногами, но я обхватываю её за талию, прижимая к себе.

– Я же говорил, что ты никуда отсюда не уйдёшь, – напоминаю и, снова поддавшись порыву, накрываю её грудь ладонью. На Маше свитер, а под ним бельё, но меня обжигает, будто в огонь руку засунул.

– Сумасшедший, – хрипит, а я почти оскальзываюсь, но устоять получается. – Я полицию вызову. Тебя посадят!

Маша не сдаётся, и при разнице наших габаритов это даже забавно. Она всегда была смелой – этого я не смог забыть.

– Напугала, – преодолеваю последнюю ступеньку, не выпуская Машу из объятий, а она впивается мне в руку ногтями, рвёт кожу до крови.

Если бы я только умел чувствовать боль, может быть, и подействовало.

– Не дёргайся, а то случайно что-нибудь сломаю.

Но Бабочка не была бы собой, если бы успокоилась. Она, будто бы разгневанная волчица, готова рвать меня когтями и зубами до последней капли крови.

Когда оказываемся в просторном холле, я бросаю Машу на кожаный диван, потому что сейчас чётко понимаю лишь одно: если ещё продолжу касаться её, случится беда. Все предохранители нафиг вылетят.

– Отпусти меня! – шипит, убирая волосы с лица, а в зелёных глазах чистейшая ярость.

Я присаживаюсь в кресло напротив неё, а Маша обнимает колени руками, щурится, бледная и злая.

– И не подумаю. Ты будешь в этом доме столько, сколько я захочу.

– А иначе? Убьёшь меня? Ты маньяк, Клим!

Криво усмехаюсь, откидываясь на спинку кресла, и сжимаю пальцем переносицу. Во мне кипит злость, и я всеми силами пытаюсь её задушить, не дать ей выхода.

– Где моя сумка? Там мой телефон, я должна позвонить!

Маша не пытается снова мне что-нибудь отбить, но уверен: так просто она не сдастся. Что ж, тем интереснее.

- Отцу звонить собралась? Или в прокуратуру.

- Не твоё дело.

- Не нужно тебе отцу звонить. Вот совсем не нужно.

Я знаю, что он не ответит. Ему просто нечего сказать Бабочке. Но она упорна.

- Клим, отдай сумку.

- Ищи, я не мешаю, - растягиваю губы в улыбке и слезу, как Маша мечется в поисках своих вещей.

А когда находит, шарит в сумке трясущимися руками.

- Нашла? Звони отцу. И еще, куда ты там звонить хотела? Туда тоже.

Но Маша сверкает на меня глазами, полными застывших слёз и злости.

- Телефон разбитый, - говорит тихо, нажимая кнопки на подёрнутом многочисленными трещинами экране, но бесполезно.

- Наверное, наступил на сумку в темноте, - пожимаю плечами, а в голове пульсирует боль, отдаваясь в затылке. - Бывает.

- Подонок, - выдыхает, а сумка падает на пол, и звук этот эхом в большой комнате. - Что ты сейчас хочешь от меня? Восемь лет прошло, я забыла тебя. Забыла, слышишь?

- Правильно, - киваю, поднимаясь на ноги. - Но не нарушай цепочку причин и следствий. Сначала предала, а потом забыла. Вот так будет правильно.

Маша открывает и закрывает рот, а я стремительно выхожу из комнаты, не оглядываясь.

– Я не предавала тебя! Клим!

Я выжил после её предательства. Но её ложь убьёт меня, наверное.

Глава 10

Клим.

«Я не предавала тебя!» – звенит отголосками в ушах на бесконечном повторе, пока принимаю душ в ванной на первом этаже. Ледяные струи воды стекают по коже, омывают уродливые рубцы и шрамы на теле: от плети, раскалённых прутьев, тлеющих в полумраке сигарет.

Ненавижу.

За восемь лет половина из моих сук-мучителей сдохла, остальные разбежались от стремительно летящего в пропасть Нечаева, как вшивые крысы с корабля. Да и нахер они мне нужны – тупые пешки без мозгов. Мне всегда нужен был Нечаев – только он и Бабочка виноваты во всём, что случилось.

С них и спрос.

«Хорошо, что ты вообще остался жить», – сказал тогда врач, когда я очнулся, выбравшись из липкого марева медикаментозного дурмана. Весь обмазанный какой-то вонючей дрянью, укутанный в бинты, как долбаная мумия, я не понимал: зачем? Зачем же выжил? Для чего всё это нужно было вообще? Чтобы всегда чувствовать эту боль? Всегда вспоминать усмехающуюся рожу Нечаева, чьи верные подонки почти сутки измывались надо мной?

Немыслимо.

Тогда ко мне в палату приходил следователь – мужик лет пятидесяти с воровато бегающими глазками и кожаной папкой под мышкой. Он задавал вопросы, на которые я старался ответить честно – тогда мне казалось, что справедливость ещё существует. Верилось, что её ещё можно найти.

Когда делу даже не дали хода, потому что никто не захотел связываться с Нечаевым, я понял, что надежды и розовые очки нужно выбросить нахрен. И попытаться выжить.

Но если бы не Арсений, подобравший меня буквально с улицы, давший мне однажды шанс, я в лучшем случае оказался бы в тюрьме. А так судьба миловала, проскочил мимо казённых стен. И то радость.

«Я тебя не предавала!»

Но ведь, сука, никто не мог знать, где я жду Машу! Ни одна живая душа не должна была узнать об этом. И я торчал в том грёбаном сарае, считал минуты, прислушиваясь к шагам, но дверь распахнулась, и на пороге стоял Нечаев собственной персоной.

Блядь, нельзя! Нельзя об этом думать!

Выключаю воду и ступаю на холодную плитку, а из зеркала на меня смотрит тот, чьего безумия я порой боюсь сам. Человек, который однажды всё потерял, включая рассудок, – вот кто смотрит на меня с той стороны.

– Ты сам это всё затеял, – говорю своему отражению и вытаскиваю из чехла идеально заточенную опасную бритву.

Густая пена покрывает щёки, и я касаюсь намыленной кожи лезвием, плавно скользя снизу вверх. Ошибка недопустима: чуть дёрнется рука, слегка глубже войдёт опасная сталь, и не останется от тебя ничего, кроме оплывшего тела на кафельном полу.

Но это не мой метод. С моими незакрытыми гештальтами рано умирать.

На часах почти восемь, и я вытираю лицо полотенцем, стирая остатки пены. Мне неинтересно, чем там занята сейчас Бабочка – из дома ей всё равно не выбраться. Конечно, в любой момент она снова может наброситься на меня из-за угла и двинуть чем-нибудь по башке. Впрочем, насрать – пусть делает, что хочет.

Но рано или поздно Маша выдохнется и поймёт, что ни одна живая душа её искать не станет. Уж об этом я позаботился.

А ещё она поймёт, что, выбрав однажды своего папочку, она совершила самую большую ошибку.

Как есть, голый, выхожу из ванной комнаты, а Бабочка так и сидит на диване, запустив руки в волосы. Она будто бы в прострации, и я на мгновение зависаю в пяти шагах. Маша почти не изменилась: те же огромные глаза, бархатистая кожа и самые охрененные губы на свете.

– Я уезжаю, – сообщаю, но Маша вообще на меня не реагирует.

Похер.

Ухожу в свою комнату, одеваюсь, не разбирая, во что. Мне нельзя оставаться в этом доме сегодня, а иначе сделаю то, о чём потом пожалею. Трахнуть Машу с каждой минутой мне хочется всё сильнее, потому хватаю телефон с тумбочки и почти бегом вылетаю на улицу.

– Арс, отвези меня в клуб.

Тот не задаёт лишних вопросов, но прежде чем погрузиться в машину, я даю распоряжения охране:

– И не дай бог за эту ночь что-то случится, – говорю на прощание стоящим у ворот крепким парням, а те почти синхронно кивают. – В дом не входить, с девушкой не разговаривать. Приеду, камеры просмотрю. Всё ясно?

Парни снова кивают, а я еду к шлюхам. Не уверен, что станет легче, но попытаться стоит.

Глава 11

Клим.

Я рассматриваю извивающихся у шеста девиц. Их полуголые сиськи и упругие ягодицы сливаются, мелькают перед глазами, больше отталкивая, чем будоража. Девки стараются всеми силами привлечь моё внимание, мацают себя, выгибаются, чуть слышно постанывают, а я курю, прячась в дымном облаке.

Приват я заказал от нехер делать – хотел отвлечься от зудящих на подкорке мыслей. Вертлявый светло-синий администратор Кирюша прислал ко мне, по его словам, самых сочных и отборных – настоящих профессионалок. Цена за их пляски просто космическая, а список дополнительных услуг для VIP-клиентов впечатляет.

Я же хотел забыться в безумном трахе? Вот и шанс.

Светловолосая скидывает лифчик, и он летит в мою сторону. Наверное, рассчитывает, что я поймаю его. Игриво облизывает губы, а я перевожу взгляд на брюнетку, трущуюся о шест. В приглушённом свете приватного кабинета её черты неуловимо походят на черты той, которая осталась в прошлой жизни.

Моя Бабочка. Блядь, не думать об этом, не думать!

Жестом подзываю брюнетку, а она с готовностью идёт ко мне, плавно покачивая округлыми бёдрами. Её зовут, кажется, Лиля. Или Лиля – та, другая, жадным взглядом следящая за подружкой? Да какая нахер разница? Главное, что это готовые на всё бабы с безупречным здоровьем, всё остальное – ненужная шелуха.

Простой и понятный трах – вот то, что мне нужно сейчас.

Девица кладёт руки мне на плечи, извивается из стороны в сторону, а сиськи в кожаном лифчике с разноцветной блестящей бахромой колышутся перед глазами. Того и гляди, выпрыгнут наружу. Создаётся ощущение, что у неё

вместо костей – кисель, настолько гибкая.

Но мне неприятны её касания – я вообще не люблю, когда меня трогают.

– Руки убери, – прошу, а девица едва заметно вздрагивает. – На колени.

Она не возражает, принимает нужную позу, и парой ловких движений высвобождает мой член. Алчно облизывается, жмурится, а я откидываю голову на спинку дивана и закрываю глаза. Я не хочу никого сейчас видеть, не хочу понимать, какой это сраный суррогат – трахать кого-то в рот, когда в мозгах порхают бабочки. Мне просто нужен оргазм, всё остальное пусть летит в пропасть.

Я так и не научился искренне хотеть кого-то, кроме Маши. Но организм, требующий разрядки, готов к бою.

Минет – это приятно.

Мягкие губы обхватывают мой член, и я толкаюсь вперёд, мечтая кончить. Девка знает своё дело туго, а я слишком возбуждён, и по идее мне должно хватить пары пошлых причмокиваний, но нет. Не выходит излиться быстро – вообще никак не выходит. Лишь сильнее напрягаются яйца, а член будто деревянный.

Мне нужно что-то большее.

Наматываю длинные тёмные волосы себе на руку, двигаюсь резче, не жалея никого. Насаживаю голову девицы на себя, она охотно заглатывает до самых яиц, но совсем ничего не чувствую. Это безумие, и я отталкиваю от себя профессионалку.

Она смотрит на меня шокировано, облизывает и без того влажные губы, а я накрываю ноющий член рукой.

– На хер валите, – выдавливаю из себя, морщась от боли в паху, и девки улепётывают, даже вещи не собрав.

Думаю, у них слишком много лифчиков, чтобы задерживаться, когда клиент явно не в себе.

Оставшись один, я снова жмурюсь, а перед глазами лишь огромные зелёные глаза и идеальные губы. И я почти чувствую, как они целуют меня: каждый шрам, каждое увечье, а потом спускаются ниже – туда, где всё твёрдое, как камень, и болит.

Стону в голос, оглаживая себя по всей длине, синхронизирую движения ладони в такт воображаемому минету. Мать его, как же хорошо.

Перед глазами сноп искр, в горле пересыхает, а позвоночник, кажется, вот-вот рассыплется от предоргазмической ломки.

Реву, будто я – не я, а кабан-подранок, а сперма выливается из меня бурным потоком. Кажется, я так не кончал даже будучи подростком. Стреляю и стреляю, а перед глазами изумрудный взгляд с поволокой.

Дыхание сбивается почти в ноль, сердце ухает в груди, причиняя боль. И когда сознание возвращается ко мне рваными толчками, а перед глазами кое-как проясняется, я иду на дрожащих ногах в крошечную ванную рядом с кабинетом.

Мне больше нечего делать в этом клубе.

– Арс, заводи мотор, – говорю в прижатую к уху трубку.

– Домой?

– Ты стал задавать слишком много вопросов, – усмехаюсь и вытираю руки бумажным полотенцем. – Но да, домой.

Глава 12

Маша.

Не помню, как я отключилась. Будто кто-то щёлкнул тумблером и просто выключил меня. Чтобы ничего не помнила и ни о чём не тревожилась хотя бы какое-то время, хотя бы на несколько часов получила передышку.

Иногда психика выкидывает на чёрную воду паники спасательный круг забвения, и это даёт пусть призрачный, но шанс, что всё это – мираж.

А когда открываю глаза, взгляд натывается на длинные ноги в тяжёлых ботинках. Клим.

– Проснулась, Бабочка? – слышится его хриплый голос, прошитый дамасской сталью, и я поднимаю взгляд на его лицо.

Мне нечего бояться. Пусть я совершенно не понимаю, что Клим хочет от меня, одно знаю точно: он сошёл с ума. Иначе никак не объяснить, откуда эта злость во взгляде, откуда жестокость в словах и действиях. Он винит меня в чём-то, говорит о каком-то предательстве, только в этом нет никакого смысла.

Просто человек, которого я любила всю жизнь, стал самым настоящим безумцем. И место ему в психушке.

У Клим в руках нож, который он вертит в пальцах, подбрасывает и ловит за кончик лезвия почти у земли, выкручивает и так и эдак, будто бы хочет показать, как отлично научился обращаться с оружием. Будто собрался испугать окончательно, чтобы перестала бороться, выбросила из головы мысли о свободе.

Только я не могу, потому что не птица, чтобы сидеть в клетке по чьей-то прихоти. Хватит! Я не для того ушла когда-то из отчего дома, чтобы снова быть запертой в четырёх стенах.

– Клим, что ты делаешь?

Я сажусь, подтягиваю под себя ноги, а кожа под свитером после сна в одежде ощущается воспалённой и зудит. Мне бы в душ...

– Успокаиваю нервы.

Нож взлетает ввысь и снова оказывается в широкой ладони Клима. Как он не боится пораниться? Впрочем, разве этот человек умеет хоть чего-то бояться?

- Нет, не сейчас... вообще.

Но Клима игнорирует мой вопрос, продолжая свои игрища. Интересно, он вообще спал этой ночью? Под глазами тени, щёки покрыты тёмной щетиной, а черты лица стали резче, заострились.

И какого лешего меня должно волновать, спал ли он?

- Клима, так же нельзя дальше продолжать! Это безумие! - я пытаюсь достучаться до его здравого смысла, но в ответ получаю лишь взгляд, острее любого лезвия.

- Бабочка, ты помнишь, как мы познакомились? - вдруг спрашивает после долгой паузы, а я тяжело сглатываю.

Помню ли я? Нет, конечно. Потому что Клима был в моей жизни всегда.

- А я помню, - усмехается, разглядывая своё отражение в лезвии. - Мне было четыре года, и родители повели меня в гости. Сейчас я понимаю, что была ранняя весна, март. Как сейчас. Тогда я ничего этого не понимал. Просто мне сказали, что у одного очень хорошего человека родилась дочка, и мы идём её навещать. Подарки купили, а мне вручили большого плюшевого волка. Он был больше меня, такой огромный. И я тащил его, и рук не хватало, а под ногами слякоть.

Клима прячет нож в голенище ботинка, заправляет брючину, всё это время не сводит с меня тяжёлого взгляда. Я ничего этого не помню, само собой, и Клима, кажется, вообще впервые об этом говорит. И хотела бы не слушать, но не выходит - меня будто бы приклеили к прохладной коже диванной обивки.

- Помню, меня отвели в маленькую комнату. Вся розовая, девчачья, а я жуть как не любил все эти девчоночьи прибабасы. Подвели к кровати, а там... - Клима замирает на пару мгновений, отматывая в своём сознании время назад, а я жду продолжения. - И почему-то показалось тогда, что это не может быть живой

ребёнок – таких красивых детей не бывает. Кукла ведь. Обиделся, что меня так разыграли, ткнул тебя, спящую, пальцем в живот – сильно ткнул, а ты заворочалась, но не проснулась. Только схватилась за мой палец крепко и продолжила спать. Можно ли влюбиться в младенца или уже тогда я был безумным извращенцем? Не знаю, но вот, влюбился.

Клим, выдохшись от своего внезапного откровения, замолкает, а я сжимаю кулаки, впиваясь пальцами в кожу ладоней.

– Зачем ты обо всём этом говоришь? Зачем вспоминаешь, мучаешь? Это тоже элемент моего наказания, для которого ты меня держишь тут?

Я не выдерживаю: вскакиваю на ноги, топаю по полу и, схватив с низкого столика какой-то журнал, швыряю в Клима. Он даже не уворачивается, только смотрит на меня, усмехаясь, и это будит внутри ярость. Настоящую, самой чистой пробы, и кровавая пелена перед глазами.

– Успокойся, Бабочка. А то крылья сломаешь.

Слова Клима звучат то ли насмешкой, то ли угрозой, а я задыхаюсь от своей злости.

– Ты, урод, бросил меня! – кричу, озвучивая то, что однажды разбило моё сердце. – Зачем вспоминаешь что-то, говоришь о какой-то любви, предательстве, если бросил? Ворошишь это всё, подонок! Нравится издеваться? Садист!

Рядом на диване лежит моя сумка – её тоже швыряю в Клима и выбегаю из ставшей вдруг душной комнаты. Наружная дверь заперта – после ухода моего мучителя я пыталась её открыть, бесполезно. Потому я несусь вверх по лестнице.

Главное, спрятаться от Клима и его безумных обвинений.

Я обязательно придумаю, что делать дальше. Найду выход. Но я не хочу больше слушать о том, что предала его.

Потому что не предавала. Никогда и ни за что не смогла бы на это пойти.

Но я не успеваю добежать даже до середины лестницы, когда аромат хвои и цитруса бьёт наотмашь.

– А ну, повтори! – слышу отрывистый приказ у самого уха и цепенею. – Повтори, Бабочка, иначе я за себя не ручаюсь.

Глава 13

Клим.

– Отпусти, сумасшедший, – шипит, но брыкаться не пытается. Просто замирает, тяжело дыша, опирается рукой на стену, а я каждой порой ощущаю её гнев.

Гнев – это громадная чёрная туча, которая накрывает нас обоих. Хоть что-то у нас снова есть общее.

Дёргаться Бабочке сейчас опасно: мы находимся на середине лестницы, и один неверный шаг закончится в лучшем случае переломами.

– Повтори, тогда отпущу, – требую, несмотря на то что ложь слышать не хочу. – Повтори тот бред, что ты сказала внизу.

Это уже слишком, и заявления о том, что я кого-то там бросил – за гранью моего понимания. Они просто не вписываются в мою реальность, выбивают из проложенной колеи.

– Бред? Я сказала бред?! У тебя память, что ли, отшибло? – злится и отшатывается от меня в сторону, как от чумного доктора. Опирается спиной на деревянные перила, впивается в них пальцами и смотрит на меня с неприкрытой яростью. – Ты меня бросил. Восемь лет назад. Сначала позвал за собой, а потом бросил. Этот бред ты хотел услышать?

Я сжимаю кулаки до хруста, но Бабочку будто бы прорвало:

– Ты прислал мне сообщение, ночью. Хорошо, что я из дома сбежать не успела, – горькая усмешка, а в ней какое-то неизбежное разочарование. – Просто сообщение. Не знала, Клим, что ты трусливый подонок. Но тогда узнала, спасибо за науку.

– Какое нахрен сообщение? – Делаю рывок в её сторону и опираюсь руками на перила. Между нашими пальцами всего несколько сантиметров, а тела вибрируют в общем тяжёлом дыхании, но приблизиться хоть на миллиметр невыносимо. Иначе все мысли из головы вылетят, и я просто утрачу способность соображать.

А мне нужно разобраться в этой херне, хоть я и не верю ни единому слову.

– Обычное! – выкрикивает мне в лицо, а меня жаром обдаёт, словно в сантиметрах завис над адской пропастью. – Я его столько раз прочла, что захочу забыть, так не получится. «Прости, мы слишком торопимся. Будь счастлива и не ищи меня. Клим». Вот такое сообщение, урод!

Маша толкает меня в грудь, но совсем слабо, а я крепче впиваюсь пальцами в перила, готовый вырвать их с корнем.

– Что застыл? Память возвращается? – говорит тихо и трёт нос.

Так она делала всегда, когда не хотела плакать на людях. Разотрёт до красноты и снова улыбается.

– Я не отправлял никаких сообщений, – выдыхаю на одной ноте, кажется, весь кислород из лёгких.

И они сжимаются до боли, и тошнота подступает к горлу.

– А кто его отправил? Папа Римский? Ты меня за дуру держишь?! Это ты у нас сумасшедший, не я, – кричит, а я отхожу на шаг назад. – Но я искала тебя, понимаешь? Искала! Я так много хотела тебе рассказать. Ты должен был знать, но не нашла.

Это какой-то дурной сон. Это бред, я точно сошёл с ума, и теперь весь мой мир кренится, трещит по швам и осыпается трухлявым крошевом.

Мне становится ещё хуже, когда Маша сгибается пополам, глотая ртом воздух, громко всхлипывает и оседает на ступеньку. Сгибает ноги, закрываясь от меня, утыкается в колени лбом и затихает.

– Видеть тебя не могу, – шепчет, глотая окончания слов. И правда, совсем не смотрит на меня. – Я должна была тебе рассказать, тогда. Может быть, мы бы смогли что-то сделать, может быть, спасли.

Она шепчет ещё что-то бессвязное, то повышая голос, то понижая до едва слышного шуршания. Я не понимаю, как можно так убедительно врать. Но врать ли?

А я пячусь назад, чуть не лечу спиной вниз, но кое-как удерживаюсь в границах этой реальности, не выпадая в яростное небытие.

Глава 14

Маша.

Я говорю и говорю, а где-то вдалеке слышатся приглушённые раскаты грома. Дождь начался? Нет, прислушавшись, понимаю, что это нечто другое.

Поднимаю голову, осматриваюсь по сторонам, но Клима рядом нет. Лишь эти странные звуки – то ли хлопки петард, то ли взрывы вдалеке. Не разобрать.

Это хорошо, что Клима нет, это точно хорошо – так хотя бы на время могу избавиться от его жуткого ледяного взгляда, который пробирается под кожу и гуляет там стылým ветром. И я хочу обратно в свою упорядоченную простую жизнь, без этих вырывающих душу эмоций.

Я давно уже привыкла к одиночеству: обрубилa до минимума все дружеские контакты, и общаюсь лишь с теми, с кем общаться необходимо. У меня очень

узкий круг тех, с кем могу и хочу разговаривать дальше пары часов: несколько сотрудниц, с которыми иногда в конце недели ходим в паб, и отец. Да и с тем мы не так часто находим общие точки соприкосновения.

Он не может простить мне, что не оправдала его надежд. Не закончила тот институт, который он для меня выбрал, не вышла замуж за одного из его деловых партнёров или какого-то пресыщенного жизнью наследника мега корпорации. А ещё родила ребёнка, с ним не посоветовавшись, и чуть не загубила себе жизнь. Он никогда не говорил об этом напрямую, но я прекрасно знаю, чего ему стоило смириться с моим решением стать матерью.

Я не хочу об этом думать, но иногда мне кажется, что отец ничего не испытал, когда его внучки не стало. Плохо помню тот период, и отец действительно казался расстроенным, но...

Тысяча «но» и вопросов, на которые я никогда, наверное, не найду ответов. И всё это не более чем догадки, и тошно думать, что они могут оказаться верными.

Встряхиваю волосами, заплетаю их во что-то похожее на косу и пытаюсь понять, как мне найти выход из этой ситуации. Мне бы выбраться наружу, сбежать из этого дома, чтобы снова не думать о Климе. Он появился в моей жизни так внезапно, когда всё уже, казалось, потухло навсегда, и не осталось даже обиды. Но он умудрился за неполные сутки расковырять все мои едва зажившие душевные нарывы. Проклятие!

Поднимаюсь на ноги, осторожно ступаю по лестнице вниз, ожидая, что в любой момент меня снова схватят и закинут ещё в какую-нибудь комнату без окон. Дом огромный, наверняка Клим придумает, где меня надёжнее запереть.

Мысленно возвращаюсь к нашему диалогу на лестнице, а глаза пекут от подступивших слёз. Он будто бы не верил моим словам, и это кажется таким странным. Нет, не хочу об этом думать – слишком плохо всё закончилось у нас в тот раз, и уже не нужно искать правых и виноватых. Бессмысленно.

Меня потряхивает от усталости, неизменно наступающей после шока и сильного желания оказаться в своей маленькой и уютной квартирке, в которой нет ничего ценного. Зато в ней не живут призраки, и царит унылый покой. Надо выбираться, пока отец не поднял всех на уши и этот дом, вместе с его хозяином, не взлетел

на воздух.

Чем ближе подхожу к входной двери, тем слышнее эти странные звуки. Это точно что-то на улице, и я сама не знаю, зачем снова дёргаю за круглую латунную ручку. Я же проверяла ночью, тут всё было заперто, но...

Сейчас дверь удивительно легко поддаётся моему нажиму, и я толкаю её, жмурясь от яркого солнца, бьющего по глазам со всей силы. Будто бы год в подвале просидела, честное слово. Набираю полную грудь воздуха, жмурюсь, улыбаясь, впервые, наверное, понимая, как ценна свобода и простой свежий воздух.

Но это всё самообман, и я всё ещё заперта в душной клетке, из которой нужно выбираться, пока меня не загнали обратно.

Вокруг всё тот же необъятный двор и мощёная разноцветной плиткой дорожка, по которой я прошла вчера днём на встречу со своим прошлым. А думала, что просто документы забрать, наивная.

Сознание цепляется за очевидную мысль, но я отгоняю её от себя. Потому что она ничего общего не имеет с реальностью. Но мысль эта настойчиво сияет огнями на подкорке, не отделаться.

Отец ведь послал меня сюда, для него я должна была привезти эти чёртовы бумаги, но... знал ли он, кто именно меня здесь ждёт? И самое важное: почему он всё ещё не рядом?

Он же знает адрес, он сам прислал за мной машину, он должен был уже быть в доме. Должен – неправильное слово, но ведь прошли почти сутки, а я всё ещё тут, и меня действительно никто не ищет.

Я не могу сложить пазл, как ни пытаюсь, но сейчас моя цель – понять, как отсюда выйти. Потом уже решу эту головоломку.

Осмотревшись по сторонам, замечаю, что во дворе почему-то никого. Где те тестостероновые бугаи, которых видела вчера при входе? Охрана – где она?

Но это и к лучшему, и, пригнувшись, бегу вперёд, к цели. Нужно понять, заперта ли калитка, и если да, то поискать другую лазейку.

Чувствую себя каким-то шпионом из старых американских фильмов, но адреналин ведёт меня, заставляет не останавливаться. Толкаю калитку, но она, конечно же, закрыта. Что же делать? Сгибаюсь в три погибели, держусь рукой за прохладный камень забора и, скрытая густой растительностью, двигаюсь вперёд. Может быть, мне повезёт, и я уйду отсюда свободной?

Забор тянется и тянется, но я готова идти на край света, лишь бы не напрасно. Вдруг снова раздаётся резкий хлопок, и чуть не падаю, испугавшись. Выстрел! Это точно он!

Когда-то отец брал меня с собой на полигон – мне тогда чуть больше пятнадцати было, и я неплохо умею стрелять, потому звук этот узнаю из тысячи. Господи, куда я вообще попала?

И я лихорадочно соображаю, что делать дальше – куда бежать? Где прятаться, – а совсем рядом тяжёлые шаги, и огромные чёрные ботинки в опасной близости от меня.

– Что это вы делаете, Мария Степановна?

Глава 15

Маша.

Чёрт, попалась.

Медленно поднимаю глаза, прохожусь взглядом по крепким ногам, широким плечам, обтянутым тёмно-серой футболкой, и натываюсь на колючий взгляд почти чёрных глаз. Они не такие, как у Клим – в них не прячется боль. Зато до такой степени непроницаемы, что становится не по себе. Не мужик, а статуя.

И это именно тот мужик, который привёз меня сюда! Точно он.

Очередная деталька с обожжёнными краями в том пазле, который никак не хочет складывать мой мозг.

– Гуляете, Мария Степановна?

Он подчёркнуто вежлив, но жёсткий рот сжат в тонкую линию, а на лбу заметны две глубокие морщины. Ему лет сорок-сорок пять, и он явно не даст мне отсюда уйти.

Я хорошо знаю эту породу – у отца таких раньше было много. Верные псы, готовые рвать зубами, стоит хозяину повести бровью.

Только вот... кому служит этот мрачный мужик? И когда я узнаю ответ, очень многое станет на свои места.

– Нельзя гулять, да? – передёргиваю плечами и поднимаюсь на ноги, а мужчина стоит, сложив руки на груди, и рассматривает меня так, будто бы я, по меньшей мере, навозный жук.

Я ниже его больше чем на голову, а ширину его плеч легко можно меня завернуть, как в подарочную упаковку. И от этих людей я хочу сбежать?

Слабоумие и отвага, похоже, главный девиз моей резко изменившейся жизни.

– Когда Клим скажет, что вам можно гулять, тогда и будете.

Ответ выводит меня из себя. Надо же, распоряжений ждут, чтобы позволить человеку свежего воздуха глотнуть. И да, всё-таки Клим – он его хозяин.

– Я не собственность Клина, чтобы он имел право распоряжаться мной, – фыркаю, а на губах мужчины вырисовывается что-то подобное улыбке. Такой, снисходительной.

Так улыбаются, когда неразумные дети заявляют, что они уже взрослые. Забавно, не более, но считаться с их мнением и правами никто не собирается.

Снова раздаётся выстрел, грохот и маты. Я не знаю, что мне делать. Сбежать не получится, но и стоять просто так, когда в самом разгаре мой личный Армагеддон, невыносимо. И я срываюсь с места, бегу, куда глаза глядят, не разбирая дороги. Пусть хоть убивают, покорно ждать своей участи для меня невыносимо.

Пусть меня застрелят при попытке к бегству, пусть вздёрнут на дыбе, наденут испанский сапожок, сожгут – я ничего не боюсь. Но не буду сгибаться до земли, подставляя спину плетям.

Я бегу куда-то, но дыхание перекрывает, в глазах темнеет от нехватки кислорода в горящих огнём лёгких. За мной никто не гонится, словно знают и так: мои попытки удрать – бесполезная трата времени. И пусть, мне наплевать, что там кто-то думает.

Если бы я боялась чужого мнения, точно бы прожила жизнь иначе.

Прислоняюсь спиной к кирпичной стене какого-то строения, а вокруг звенящая тишина. Будто бы попала в вакуум, но зато больше не слышатся выстрелы. То ли стрелок выдохся, то ли патроны закончились. Лишь мерное гудение голосов где-то рядом и отголоски затухающих споров. Перевожу дух, выглядываю из-за угла, чтобы понять, что делать дальше, и громко икаю.

Там, в окружении трёх рослых мужиков стоит ко мне спиной Клим. Нет-нет... что это, как это? Протираю глаза, надеюсь, что всё, увиденное краем глаза, – лишь плод воспалённого воображения, сон.

А Клим поворачивается ко мне, будто почуяв, что я рядом, бросает на землю ружьё и просто смотрит, не сводя глаз.

А я... я смотрю на его голый торс, на шрамы и рубцы, и пытаюсь понять, в какую параллельную реальность попала.

Клим.

Бабочка рядом.

Я вдруг чувствую её взгляд на себе: он ползёт по спине, замирает между лопаток, «щупает» кожу миллиметр за миллиметром. Кажется, меня снова касаются раскалённые прутья и тлеющие окурки, а в ушах звенит мерзкий хохот. Больно.

Ещё не вижу её, но зелёные глазищи уже умудрились прожечь в моей порядком треснувшей броне дыру, и сейчас расплавленный свинец капает на землю, застывает у моих ног бесформенными лужами.

Как зверь, щетинюсь, готовый рвануть вперёд, лишь бы не чувствовать всего этого. Но что делать с памятью? Её не выгрызть из себя, не вырвать.

Медленно поворачиваюсь, надевая на лицо непроницаемую маску. Бабочка смотрит на меня, а глаза круглые-круглые, как два блюдца. Бросаю на землю бесполезное ружьё – больше стрелять мне не хочется, да и патронов нет, – и будто бы проваливаюсь в мутное болото.

Стрельба всегда мне помогала сконцентрироваться, как и метание ножей. Оружие, в отличие от людей, ни разу меня не предавало.

Сейчас я не вижу ничего, кроме глаз своей Бабочки. И стоящие вокруг охранники мешают – они лишние. Люди всегда лишние, даже если они отвечают за мою жизнь.

Я вижу, как на виске Маши пульсирует синяя жилка и даже, кажется, слышу шум перегоняемой её сердцем крови. Будто океан у ног плещется. Рядом с Бабочкой я становлюсь невероятно чувствительным: обостряется обоняние, слух, зрение. Превращаюсь в огромного раненого зверя, с которого живьём содрали кожу. Только здравого смысла рядом с ней у меня нет – отключается напрочь, и все микросхемы сбоят нещадно.

Я не пытаюсь приблизиться, а Маша будто приклеилась спиной к стене хозпостройки. Вплавилась в неё кожей, а я ловлю её взгляд в плен, уверенный,

что найду в нём отвращение.

Вдруг из-за угла выходит Арс и становится в шаге от Маши. Верный Цербер, которому было положено сторожить вход, всё-таки сплеховал – Бабочка вырвалась и чуть не обожгла себе крылья призрачной свободой.

– Клим, – Арс тянет руку к Бабочке, то ли указывая на неё, то ли норовя схватить и снова уволочь в дом.

Он тянет свои лапы к моей, блядь, Бабочке!

– Не смей, Арс, – говорю тихо, но он прекрасно слышит меня, уверен. – Отойди от неё! Ты меня знаешь, потому просто отойди. Пока не стало поздно.

– Она сбежала, – Арсений всё-таки опускает руку.

– Уйди, Арс. Просто уйди. И вы все свалите на хер. Быстро!

Я не повышаю голоса, но что-то в моём лице, тоне заставляет их слушаться. Только одна Маша, как загипнотизированная, остаётся на месте.

– Нравится? – усмехаюсь и будто бы для большего эффекта делаю разворот на триста шестьдесят градусов. – Похорошел я, да?

Маша делает шаг в мою сторону, а руки прячет за спиной. Всего один шаг, а я готов выть от того, как это всё неправильно. Вообще всё неправильно.

– Что... что это? – дёргает подбородком, и я понимаю, о чём она спрашивает.

– Привет из прошлого, – усмехаюсь, а все шрамы под её взглядом начинают жечь огнём.

Долбанные фантомные боли, которые снова напомнили о себе, и я сглатываю комок тошноты, а липкая испарина покрывает кожу на спине.

– Тебе страшно? Противно? – выпытываю, удерживая наш зрительный контакт, и сам не замечаю, как оказываюсь рядом с Машей. – Признайся, что такой урод ничего, кроме блевотных позывов вызвать не может.

Маша поднимает на меня взгляд и щурится, что-то разглядывая на дне моих глаз. Она о чём-то размышляет, а я и рад бы прервать эту муку, но не выходит.

– Тебе рассказали, что сделали со мной? Хвастались? Ты довольна, надеюсь. Этого хотела? Столько долбанных лет пытался узнать ответ на всего один вопрос: зачем ты это сделала? Ну не хотела ты со мной уезжать, ну и не ехала бы. Какого хрена вот это всё было делать?

Я выплёвываю слова, как отравленные дротики, выплёскиваю на Бабочку всё накопившееся. Она лишь хмурится и снова принимается рассматривать мои шрамы, а они прямо перед её носом. Уродливые рубцы от ожогов, а на спине ещё и полосы – последствия ударов плетью. Их так много, что моё тело больше напоминает жёваный старый сапог. Уцелели лишь руки, шея и лицо, и это позволяет мне мимикрировать под нормального. Хоть иногда.

– Кто мне должен был рассказать? Я совсем тебя не понимаю. Клим, тебе нужна помощь, ты говоришь странные вещи, в которых не могу разобраться. Я устала, правда.

Её голос понижается до шёпота, а я шумно втягиваю носом воздух. Перед глазами всё плывёт, а в ушах звучат отголоски её слов, сказанных на лестнице, – слов, которым я хотел бы не верить, но что-то не складывается. Такое нельзя придумать – Бабочка никогда не была фантазёркой, и вряд ли за столько лет стала. Тогда что? Что это за странное сообщение, которое она помнит до сих пор наизусть?

После нашего с Машей разговора мне показалось, что мой мир взорвался, оплыл грязно-серым сальным воском, и миллионы вопросов разрывали меня на части. Наверное, в тот момент я действительно готов был кого-то убить. В итоге не смог сдержаться: выбежал из дома, схватил ружьё. Стрелял и стрелял по фотографии Нечаева, но легче не становилось. Я сгорал в каком-то внутреннем огне, и сорвал с себя футболку, надеясь, что стылый мартовский ветер остудит кожу. Не помогло.

– Посмотри назад, Бабочка, – говорю и, схватив её пальцами за плечи, разворачиваю лицом к дальней стене – той, куда я повесил фотографию Нечаева. – Смотри, только внимательно смотри. А потом мы поговорим.

Глава 17

Маша.

– Смотри, только внимательно смотри. А потом мы поговорим.

Ледяные пальцы ещё сильнее сжимают мои плечи, но я совсем не чувствую боли. Я смотрю на стену впереди, пытаюсь понять, что же там должно меня заинтересовать. Но первые мгновения вижу лишь дерево обшивки и чью-то фотографию, «украшенную» десятками дырочек – следов от выстрелов.

– Узнаёшь? – раздаётся у самого уха, а я встряхиваю головой.

– Это...? – У меня не хватает слов, чтобы описать всё это, а Клим за спиной тяжело дышит, обжигая дыханием.

– Ты же не слепая, – хмыкает, а у меня одно желание: пусть он молчит, пусть ничего не говорит. Ведь, если что-то не озвучивать, оно так и останется лишь точкой на кривой вероятностей. Но Клим не умеет читать мысли. – Это Нечаев. Правда, чуть-чуть ему фейс подпортил, но так он симпатичнее, мне кажется.

– Папа? – зачем-то спрашиваю и вырываюсь из хватки Клина.

Странно, но он отпускает. Даёт шанс подойти ближе и самой во всём убедиться. И я иду, пусть ноги совсем не слушаются, а когда до стены остаётся не больше шага, протягиваю руку, а пальцы дрожат так сильно, что приходится сжать их крепко в кулак.

– Это ведь папа, – повторяю уже без вопросительных интонаций и провожу побелевшими костяшками по испещрённому дырками лицу отца. – Зачем ты в него стреляешь?

Мой голос срывается, а в каждом звуке прячется истерика, которая вот-вот прорвётся наружу.

– Всего лишь в его фотографию, – говорит Клим и сплёвывает на землю. – Хотя с бо?льшим удовольствием в него самого.

Оборачиваюсь к нему, а холод пробирается сквозь шерстяную ткань свитера, и зубы начинают стучать. Но я держусь, потому что должна понять, что здесь на самом деле происходит.

– Что он сделал тебе, что ты так его ненавидишь? – задаю вопрос, на который больше всего на свете боюсь узнать ответ.

Потому что шестерёнки в моей голове крутятся, не переставая, а пазл почти сложился в общую картину. Только видеть её невыносимо: она разукрашена грязными оттенками, а края её уродливо топорщатся.

Клим расставляет руки, точно крылья, и снова крутится вокруг своей оси.

– Ты спрашивала, что со мной произошло. Твой отец со мной произошёл, – говорит, вбивая каждое слово в моё сознание. – Вот это он со мной сделал. Руками своих архаровцев. Сам-то мараться не стал.

– Нет-нет, это неправда. Я не понимаю... зачем? Он не мог, папа не мог!

Я сама не понимаю, что кричу надрывно, и голос срывается в конце каждой фразы.

– В ту ночь, когда тебе пришло сообщение, в нашем сарае люди твоего отца делали из меня урда. Ржали и измывались, измывались и ржали. По приказу твоего отца.

Бабах! В голове пульсирует боль, и я закрываюсь руками от его слов, а они уже осели во мне мутным осадком.

– Я не верю тебе, слышишь? Ты сумасшедший! Ты всё это придумал, папа... он... он...

Клим оказывается рядом, а я уже захожусь в истерике. Порывы ледяного ветра ударяют в лицо, превращая слёзы в обжигающие капли кислоты. Клим сжимает меня в объятиях, я рвусь на волю, бью его в грудь, лягаюсь. Это невыносимо, такого просто не может быть, я не верю ни единому слову.

Хватка у Клима стальная, а я совсем ослабела за эти сутки, и мой мучитель подхватывает меня вверх, точно я пушинка, и тащит куда-то.

– Ты сумасшедший, – всхлипываю, молотя кулаками куда попало. – Ты придумал это всё. Отец не мог.

Я повторяю это всё снова и снова, словно где-то в моей голове взорвалась на кусочки микросхема, и теперь меня заело. Отгораживаюсь от его слов толстой стеной, вырываюсь, но Клим продолжает меня куда-то нести, словно я какая-то, бессловесная кукла.

Не понимаю, как мы оказались в доме, а Клим садится на диван, не выпуская меня из объятий. Он прячет меня на своей груди, сжимая в сильных руках, а я кричу что-то вовсе дикое. Но щека трётся о рубцы и шрамы – шершавые, грубые, – и это ощущение не даёт сорваться в безумие, держит меня на плаву.

– Блядь, воды! Кто-нибудь, срочно! – кричит Клим, а я, громко икая, пытаюсь доказать, что он ошибается. Но, похоже, доказываю только самой себе. – Бабочка... чёрт. Ты слышишь меня? Видишь? Чёрт...

Клим сжимает мои щёки пальцами, заставляет смотреть себе в глаза, но всё плывёт и двоится. Сердце заходится в груди, стучит оглушительно, и я кашляю, пытаюсь вытолкнуть наружу удушливый комок. Он пережал горло, не продохнуть.

– Врача! Срочно! – Клим снова прижимает меня к себе, а сил уже не хватает, чтобы сопротивляться.

– Скажи, пожалуйста, что ты всё это придумал. Отец же не мог, правда?

Но Клим закрывает глаза и отрицательно качает головой.

– Мог, Бабочка, мог.

Я жалобно всхлипываю, и густой туман утаскивает меня за собой на самое дно.

Глава 18

Маша.

На периферии сознания лишь голос Клина. Он зовёт кого-то, а меня поглощает чёрный туман. Барахтаюсь в нём, пытаюсь раздвинуть тёмные стены руками, бьюсь в закрытые двери, и только голос Клина не даёт окончательно провалиться в небытие.

Что он такое говорил? Зачем выдумал всё это? Я не понимаю, не могу осмыслить масштаб катастрофы.

– Врача, мать вашу! Скорее! – доносится сквозь липкую мглу хриплый крик больше похожий на рёв раненого зверя. И я нахожу в себе силы толкнуться вперёд. Рвусь всем телом, собрав остатки воли в кулак, и выныриваю на поверхность густого дурмана, ссылающегося на голову болотной жижей.

Диковато озираясь по сторонам, пытаюсь вспомнить, кто я и где нахожусь. Но снова вижу Клина, и зрелище его страшных шрамов отдаётся горечью на языке.

– Не надо врача! – раздираю опухшее горло словами и хватаю Клина за плечо.

Я не боюсь снова упасть в обморок. Мне просто надо почувствовать эти рубцы своей кожей, чтобы убедиться – это не мираж и не глупый розыгрыш. Это горькая правда, с которой Клим сосуществует.

Это его реальность, в которой самый красивый и добрый мальчик во Вселенной превратился в озлобленное чудовище.

Неужели по вине моего отца?

Дверь с грохотом распахивается, я крепче хватаюсь за Клима, а в гостиную вбегают тот самый хмурый мужик с сединой на висках.

– Клим, Коптев едет, – объявляет, переводя дух, словно только что финишировал после марафона.

Мужик обводит цепким взглядом комнату – взгляд прирученной цепной псины, учуявшей опасность, – и фокусируется на мне. Вернее на моей руке, до белеющих пятен на коже, впившейся в плечо Клима.

– Не надо врача, – повторяю и заглядываю в ледяные глаза Клима, а тот кивает.

– Арс, выйди, – приказывает, вглядываясь в моё лицо. – Когда приедет Коптев, заплати за беспокойство и спровадь.

Арс – имя-то какое странное – в абсолютной тишине покидает дом, и мы остаёмся с Климом наедине.

Не сводя с меня взгляда, он палец за пальцем отцепляет мою руку и резко поднимается на ноги. И на дне его глаз мне мерещится тревога. Только обо мне ли она? Подхватывает меня в воздух, не имеющую сил сопротивляться, оглушённую обмороком и его причиной, и несёт куда-то.

– Тебе надо поесть, – заявляет и усаживает на высокий белый стул в просторной кухне.

Перед глазами всё плывёт, но я цепляюсь за край светлой столешницы, чтобы не упасть снова.

Мне нельзя выключаться, я должна узнать ответы.

– Клим... я не хочу. Я не смогу, меня тошнит.

– Тебе. Надо. Поесть.

Я не помню, когда ела в последний раз, и при мысли об этом вязкая слюна наполняет рот.

Клим отворачивается, а пытаюсь сосчитать количество шрамов на коже. Нереально – их слишком много.

Он идёт к высокому холодильнику, распахивает его створку и через каких-то пять минут передо мной на столе в рядок выстраиваются баночки каких-то йогуртов, тарелка с сыром, ещё что-то. Соковыжималка тихо жужжит, выплёвывая ручейки янтарной жидкости, а в самом центре стола появляется бутылка коньяка.

– Я не пью, – отодвигаю бутылку, но Клим возвращает её на место.

– Зато я пью.

– И давно?

Он молчит, наливая себе в округлый бокал немного тёмной жидкости, а я слежу за его движениями. Уверенные и точные, они всегда меня завораживали.

– Ешь, – отрывисто приказывает, а я больше не могу сопротивляться голоду, который почувствовала, кажется, лишь только что.

Дрожащими пальцами откручиваю крышку питьевого йогурта и махом уничтожаю половину. Совсем не чувствую вкуса, но это и не нужно – главное, утолить хоть немного голод. Зато отступает тошнота и перед глазами больше не прыгают солнечные зайчики.

– Аккуратнее, – усмехается Клим и вытирает каплю йогурта, застывшую на моём подбородке.

Я дёргаюсь, будто он меня ударил, и сама не могу понять, почему так остро реагирую. Вся эта ситуация, все прошедшие годы – всё наслаивается, слепливается в уродливый комок из мыслей, эмоций и ощущений.

– Тебе стало плохо, – не спрашивает, утверждает, взбалтывая коньяк на дне бокала. Но не пьёт, просто держит напиток в руках, о чём-то размышляя. – Ешь-ешь, тебе нужно силы восстанавливать.

Его забота больше пугает, чем радует, но это всё нервы.

– Ты ненавидишь моего отца, – констатирую факт, а Клим вонзает в меня стылый взгляд, словно лезвие ножа. – И меня ненавидишь. Вся эта забота, тревога в глазах, суета – ерунда, потому что ты меня ненавидишь. Я угадала? Ты всё время говоришь о каком-то предательстве. И ненавидишь.

Мне тяжело даются слова, но иногда без них никак не обойтись. Нужно разрубить уже этот узел, пока петля, накинутая на наши с Климом шеи, не задушила окончательно. Пока ещё хватает в лёгких воздуха, а сознание не помутилось окончательно, нужно говорить.

Как бы ни было больно, нужно разговаривать.

– Тебе кажется, я не имею права на ненависть? – левый уголок его губ слегка подрагивает и медленно ползёт вверх. – Не к тебе, к твоему отцу?

Клим передёргивает голыми плечами с россыпью белеющих шрамов. Полосы и маленькие точки похожие на следы ожогов. А на спине они совсем другие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/manilo_lina/ty-moe-proklyatie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)